

Татьяна Борщевская
Россия — боль моя

Том 2

Татьяна Александровна Борщевская

Россия – боль моя. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33574288

ISBN 9785449076489

Аннотация

Эта книга – не историческое исследование. Это впечатления неравнодушного современника. Книга об исторической российской катастрофе XX века; о революции 1917-го, о сталинском строительстве социализма и его крушении. Несмотря на неисчислимые человеческие, интеллектуальные и материальные потери, Россия выжила и сейчас поднимается на очередном историческом пепелище. Нам всем, особенно молодежи, ее лечить и поднимать. Для этого ее надо любить. А чтобы любить, надо знать, знать ее историю и культуру!

Содержание

Сталин – строитель социализма	5
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Россия – боль моя

Том 2

Татьяна Александровна Борщевская

На обложке береза в виде креста, которая выросла на месте концентрационного лагеря СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения).

© Татьяна Александровна Борщевская, 2018

ISBN 978-5-4490-7648-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сталин – строитель социализма

Октябрьский переворот 1917 года положил начало бушующей большевистской революции в России. Эта революция называлась пролетарской. Ее гегемоном был люмпен-пролетариат и просто люмпен – все те, кому «нечего было терять», кто легко крушил «до основания», ибо революция обещала: «кто был никем, тот станет всем».

Горели имения, разрушались заводы и фабрики, подвергались грабежу и осквернению дворцы, богатые дома. Потом святотатственному разрушению, осквернению и ограблению подверглась Церковь: храмы, церкви, монастыри.

Крестьян в Гражданской войне грабили обе стороны: и белые, и красные.

Страна оказалась разрушенной, разграбленной. Все, кто мог, покинули или покидали ее. Голод и разруха сравняли в нищете всех. Революция почти достигла цели – равенства. В нищете. Но хлеб нужен и нищему. Хлеба не было. Введенная продразверстка – насильственное изъятие хлеба у крестьян результатов не давала. Насилие, угрозы, расстрелы не помогали – хлеба не было. Вождь мирового пролетариата Ленин вынужден был признать: «Мы сели в лужу...». И ввел НЭП – новую экономическую политику.

Страна, разоренная Мировой и Гражданской войнами, но не успевшая забыть свои трудовые навыки, поднялась

удивительно быстро. Уже через 2 года прилавки были полны доброкачественным продовольствием и товарами легкой промышленности.

В годы расцветающего НЭПа ушел из жизни вождь мирового пролетариата Ленин. Выпавшее из его рук знамя мировой революции подхватил Сталин. Он сам сделал себя наследником и правопреемником Ленина в партии и стране. Но у него были свои, отличные от ленинских, планы. Ленин был абсолютным авторитетом в партии, и власть, ради которой он был готов на любое насилие, нужна была его партии, его идеям. Сталину нужна была абсолютная ЛИЧНАЯ власть. Эта идея вызрела в нем еще при жизни Ленина, еще при жизни Ленина он строил планы и готовил почву для ее захвата.

Несмотря на рекомендации Ленина в его «Завещании», Сталин остался в должности Генерального секретаря партии, которую еще при жизни Ленина превратил из секретарской, абсолютно бумажной, в должность Первого лица партии. Теперь ему необходимо было в ней удержаться. В ленинской гвардии это было невозможно: в ленинском окружении он никогда не был ни значимым, ни уважаемым лицом.

Ситуация подыграла ему. Так называемый «ленинский призыв», им же организованный, влил в ряды партии сотни тысяч новых членов, основную массу которых составлял люмпен-пролетариат. 24 тысячи ленинской гвардии растворились в этой массе, оказались малой ее частицей. Новая

партийная масса была далека от марксизма, даже марксизма-ленинизма, традиций революционной борьбы, партийных дискуссий – она была разгоряченной насилием, возбужденной, радикально настроенной, укрепившейся в разбое гражданской войны в сознании своей общественной значимости.

Вторым моментом, подыгравшим Сталину, был НЭП. НЭП разбудил инициативу активных и умелых, и равенство в нищете, к которому привела разруха Гражданской войны, сравнивая всех: зажиточных и бедных, трудолюбивых и лодырей, квалифицированных и неумелых – ушло. Общество снова расслоилось в городе и деревне, и несколько угасшее «классовое чувство» разгорелось в люмпене с новым боевым настроением.

Сталину предстояло решить очень непростые экономические и политические проблемы.

Экономически он не мог справиться с проблемами, возникшими в процессе развития НЭПа. Экономические знания, экономический анализ, экономические механизмы воздействия были ему недоступны. Единственные методы, которыми он владел и которые «успешно» использовал во все годы своего правления, были методы – не принуждения, а грубого беспощадного насилия.

«Буржуазность» – это права, это инициатива, это активность – то, что было для него ненавистно, опасно, недопустимо, неприемлемо в обществе: в партии, в экономике (в про-

мышленности и сельском хозяйстве), в науке, в искусстве – во всех видах общественной деятельности.

Люмпен, который теперь составлял подавляющее большинство правящей партии, понимал справедливость исключительно как равенство, а равенство не бывает естественным – это всегда подавление, всегда насилие. Уравниловка – справедливость черни и основа спокойствия тиранического нищего государства.

И Сталин начал свою игру, одновременно – последовательно решая прежде всего вопросы укрепления своей личной власти, «нового партийного строительства» и строительства «социализма».

Следует, пожалуй, сразу оговориться, что большевистская шизофрения на первом этапе своего существования шумно проявлялась как бред о всемирном счастье, светлом будущем человечества, которое возможно лишь на обломках старого мира, после полного его уничтожения.

Однако после Октябрьского переворота идея о БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДА, собственного, не говоря уж о всеобщем счастье, навсегда ушла за горизонт. Всепоглощающими стали две другие бредовые идеи – власти и мировой революции.

Сталин создал экономику, основанную на философии нищеты. Поэтому выхода из нищеты не было и не могло быть. Это подкреплялось идеологией перманентной войны с «врагом», внутренним и внешним. Может быть, идея власти над

миром исключает (по принципу дополнительности) идею о человеческом благе...

Хитроумно, вероломно, подло Сталин шел к своей цели. Он одновременно проводил в партии чистки, подготавливая ее уничтожение, строил пятилетние планы и осуществлял индустриализацию; боролся с кулачеством, уничтожая крестьянство, устраивал голодомор; тихо проводил единичные и массовые расстрелы, пробные показательные суды, «развивал» марксистско-ленинскую теорию и переписывал историю партии.

Грубое насилие над страной вызывало протесты старых ленинцев. Это было то, что нужно было Сталину для их уничтожения. Он изматывал их чистками, исключениями и восстановлениями, ссылками и возвращениями, покаяниями, саморазоблачениями и самооплевываниями. Они теряли авторитет в партии, уверенность в своей правоте и силах, и этому чрезвычайно помогал «партийный оркестр», которым мастерски научился дирижировать Сталин.

Когда основным действующим фактором является «масса», мнение большинства является символом правоты (но «массой» правят лидеры, вожди, фюреры).

Трагедия ленинской гвардии в значительной степени состоит в том, что они не доценили значимости этих категорий – «большинства» и «меньшинства». Ленин очень хорошо понял это и благодаря этому выиграл (отсюда «большевики» и «меньшевики»).

Сталин, человек хитрый, зоркий, коварный и беспринципный, сыграл на этом свою игру.

В спорах и дискуссиях старые ленинцы отстаивали свои принципы. У них были свои принципы, понятия о чести – не очень твердые, не очень высокие, но были. – У Сталина не было ничего, кроме холодно-бешеной жажды власти. Он был груб, примитивен, садистски жесток, беспринципен. Его грубость, насмешки, надругательство над честью и достоинством оппонента стали нормой, борьба из идейной стала откровенно личностной.

Новая толпа выдвиженцев в партии не хотела ни в чем разбираться, и чем сложнее были дискуссии и красноречие представителей ленинской гвардии, тем более бурно воспринимала она оскорбительные, примитивные, топором рубленые высказывания Сталина, приветствуя его понятную им грубую волю и твердую руку.

Для этой темной, возбужденной и ожесточенной аудитории дискуссии были не просто неприемлемы, непонятны, но были оскорбительны, они раздражали, как атрибуты недобитого старого мира.

А они, старые ленинцы, теряли веру в себя. Они поднимали пролетарскую революцию. Теперь пролетариат их отвергал. Можно было от этого и заколеться. К тому же все они были по природе своей политиками. Их борьба за массы была для них важнее борьбы за собственные убеждения. Они недоучли особенности российской темной массы и необхо-

димости для нее не свободы и разума, а твердой руки, доступных, понятных лозунгов.

А Сталин зорко наблюдал, прислушивался, чутко улавливал тупую ярость толпы, легко ее разжигал и управлял ею. Он с холодной злобой и насмешкой терпеливо наблюдал, как перемалывала эта мясорубка тех, кто не умел управлять ею, как он. Он эту толпу пестовал, воспитывал, прислушивался к ней и играл на ней – он был дирижером этого «оркестра», и лозунги ленинцев тонули в этой «музыке».

Грубость Сталина невероятна и несовместима с дискуссией вообще. Он чрезвычайно точно учитывал психологию аудитории, подыгрывал ей, разжигал в ней низменное, злобное; унижал, втоптывая в грязь все, что выше ее понимания.

Но ленинцы тоже были поражены язвой «большинства», они морально сломались, оказавшись в «меньшинстве», потеряли поддержку и понимание «большинства», и потом они бросили на растерзание «большинству» и свои принципы, и свою честь, и свою гордость. Но это не могло помочь. Сталинская машина счавкала их под улюлюканье толпы.

Сталин готовил почву для установления самодержавной диктаторской власти. Казалось бы, это был не самый подходящий момент – тот самый, когда огромный народ бурно восстал против самодержавия, против своей многовековой несвободы в надежде на светлое будущее и победил, когда он был полон воли, сил и энтузиазма бороться за него и строить его. Но именно этот момент был более, чем какой-либо

другой, удобен для обратной трансформации, именно в этом мутном бурлении можно было поставить все с ног на голову (как, вероятно, проверить в любом другом направлении).

И главным сталинским рычагом, главной точкой опоры были огромные «придонные» российские слои – люмпен-масса. Революционные потрясения эти слои взбаламутили, возбудили, вынесли на поверхность. Они были объявлены «солью земли», вооружены разрушительными лозунгами и в большевистской революции стали самой значимой и действенной силой. Сталин оседлал этого разгоряченного коня, сделал его послушным, нашел в нем точку опоры. Возможно этим в значительной степени объясняется кровавый «успех» его продолжительного царствования, а возможно, и его «бессмертие».

Однако скакать на этом горячем коне и безнаказанно рубить головы вождям только что победившей революции, соратникам великого Ленина, недавно умершего почти полубога, в безыдейном пространстве было опасно и бесперспективно. И идея была найдена: «внутренний враг», «обострение классовой борьбы по мере строительства социализма». Сталин переписал историю партии, переделал, ревизовал, выхолостил до абсолютного примитива ленинизм, превратив его в действующий сталинизм.

Мясорубка получила идейную опору. Здесь в фундамент нового государства закладывается один из его краеугольных камней – Ложь. Ложь возможна только в тиранических го-

сударствах, при исключительном праве тоталитарной власти на информацию. (Однако ныне, в 21-ом веке, когда не пишутся, а печатаются эти строки, мы узнали, что так называемые «демократические» страны, похваляющиеся своей **ВЕЛИКОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ**, которую они насильно и разрушительно вывозят и насаждают в мире, могут безнаказанно, цинично, несокрушимо сеять любую ложь, лить реки крови, удушая «денежным мешком» не только средства информации, но и целые страны и континенты. Тут тот же тоталитаризм, но властвует не Личность, а Деньги, Золотой Телец – оружие Дьявола. А результаты вывоза демократии в страны Северной Африки, Ближнего Востока и на Украину Соединенными Штатами позволяют предполагать, что никто и не собирался устанавливать там демократические режимы: флагом «демократии» прикрывались совершенно иные цели...)

Ложью пользуются прежде всего «сорняки», а они прорастают быстро, дают глубокие корни и почти не поддаются выкорчевыванию.

Сталинская история была ложью (естественно, очевидцы перевранных событий должны были быть уничтожены). Сталинское учение об обострении классовой борьбы было ложью. Однако его книгу расхватывали, проглатывали (примитивный язык проглатывался легко), изучали, цитировали, по ней отмеряли ход времени и событий.

Обвинения соратников Ленина были ложью. Но они были

казнены. Он заставил их на показательных процессах, которые он провел по своим сценариям, прилюдно «сознаться» в преступлениях, которые они не совершали.

Сталин уничтожил все, что могло играть какую бы то ни было общественную роль, очистил общество от остатков мысли и гражданской смелости, активизировав, наоборот, все темное, низменное, левоверное и озлобленное.

Только постигнув эту страшную истину, можно понять, как через 20 лет после свершения революции, можно было объявить ее вождей (живых), посвятивших жизнь делу революции, прошедших тюрьмы, ссылки, каторги, эмиграцию ради этой победы, иностранными шпионами, диверсантами, врагами народа и зверски, позорно, под улюлюканье толпы, которую еще вчера они вели к этой победе, расправиться с ними.

Элементарные мыслительные способности, самый поверхностный анализ, показали бы, что это абсурд. Но рассудок не участвовал в этом судилище тупой рабьяренной, загнипнотизированной толпы. Кто понимал, обреченно молчал... Сработал особый САТАНИНСКИЙ «талант» Сталина.

После того, как в своей вражеской деятельности «признались» вожди революции, соратники Ленина, можно было уничтожить всю ленинскую гвардию.

Это уже масштабная операция, и на помощь Лжи пришла ее верная подруга – Тайна. Старые большевики уничтожались бесшумно.

После 17-го Съезда партии, съезда победителей, или, как говорит Эдвард Радзинский, съезда Победителя – съезда, который пел Сталину неслыханную аллилуйю, но тайно проголосовал за его смещение, он понял, что с этой партией ему не справиться. И он уничтожил ее практически всю. И создал новую, СВОЮ, послушную, надежную партию «кнута и пряника». Вместе с партией он уничтожил весь актив общества. Потом уничтожил армию. Это уже все описано ранее.

Всякая замкнутая система вырабатывает механизмы своей устойчивости. Однако, если она не разрывает, а замыкает свой патологический круг, она рано или поздно рухнет.

Свой кровавый путь Сталин начал с уничтожения ленинской гвардии – пока ленинцы были в составе партии, он не мог надежно утвердиться в кресле единоличного правителя. Но логика его самоутверждения вела его ко все более масштабным преступлениям, и не только кровожадность вела его этим путем. Он не справлялся с задачами социалистического строительства. Ему чужд был подход продуманный, научный, постепенный. Будучи примитивным и грубым, он вообще считал рукоприкладство более действенным, чем приложение ума. Он всегда шел напролом. Все решалось грубой силой, круто и кроваво. Расправа с частным сектором в городе, насильственная коллективизация деревни, непродуманные планы индустриализации породили сумятицу, разброд, бедствия и недовольство в стране и недо-

вольство в партии.

Нужно было найти «козла отпущения», на которого можно было бы свалить вину за собственные просчеты и ошибки, и Сталин нашел нового «классового врага». В партии это были оппозиционеры, в городе – техническая интеллигенция. Уничтожать техническую интеллигенцию было особенно приятно, так как именно она более других понимала безграмотность и разрушительность очередных экономических «преобразований», именно от нее прежде всего могла исходить критика в адрес Непогрешимого. За технической интеллигенцией (вместе с партийными руководителями) пошли гуманитарии, ученые, деятели культуры – весь цвет и актив страны. (Десятилетия спустя Молотов скажет: «Они ВСЕ (интеллигенты) СИДЕЛИ, потому что они все были ПРОТИВ НАС (!!!)». Они понимали, что интеллигенция НЕ МОЖЕТ быть с ними, честная интеллигенция. Ее нужно было уничтожить. НЕОБХОДИМЫХ – запугать и (или) «приручить».)

Он крепил сук, на котором сидел, и под корень рубил дерево.

Сталинщина породила неведомые зверства. Даже жестокое Средневековье при сопоставлении масштабов – младенец, по сравнению с матерой сталинщиной.

Старая каторга: галеры, карьеры, рудники – не ведали того, чем долгие десятилетия жили наши тюрьмы и колонии, лагеря, КПЗ, наша армия, наша мафия.

Какую же бешеную ненависть надо было разжечь в народе к ближнему своему, чтобы зарывали живьем, выбрасывали голых детишек из изб на снег, творили «чудеса» мерзости и жестокости.

Сталин – Анти-Христ. Иисус Христос проповедовал милосердие, человеколюбие, всепрощение. Сталин проповедовал ненависть, жестокость, расправу. За Иисусом пошли народы, восприняли и развили его учение, но для этого потребовалась Его мученическая и полная тайны смерть и тысячелетия осмысления Его явления. А с головы этого Людоеда не упал ни один волос, и он заставил народы уничтожать своих собратьев, соотечественников и истинных братьев, отцов, детей, мужей.

Это не только секрет его злобной магии – это еще специфика момента, которую он учуял и на которой с завидным искусством сыграл.

Потенциал жестокости, как и потенциал таланта, есть в каждом народе. Злодейства творили китайцы, японцы, немцы, ливанцы, камбоджийцы и др. уже в наш просвещенный век. Нужны стимулы. Разобраться в этом – задача науки. Если она постигнет эти тайны, раскроет эти механизмы и схемы, она поможет управлять развитием общества не экономически, а психологически, не только через желудок, но и через духовную сферу.

Известно, что человек при жизни использует малую долю своих физических и духовных возможностей. Он может ды-

шать 1/20 своих легких, у него можно удалить целое полушарие мозга, он может жить с одной почкой и т.д.. Духовные возможности используются несомненно в еще меньшей степени. Гипнотические эксперименты открывают иногда в человеке невообразимые способности.

Бурные эпохи в истории человечества характеризуются именно массовым извлечением из народных глубин мерзостей и талантов.

Были эпохи крестовых походов, длительных войн, жестокостей, разбоя и разрушения. Были эпохи бурного развития науки, культуры, искусств. При этом в разных странах в разные времена можно было отметить большой крен в сторону развития музыки или архитектуры, философии или живописи, хоть это вещи связанные, и они не развиваются изолированно.

Появление на свет вырожденков, подобных Сталину, Пол Поту, Гитлеру – не диво. Загадка – та черная волна, которая возносит их на гребень.

Салтыков-Щедрин описал портрет Сталина за несколько десятилетий до его рождения. А Корней Чуковский в смешной детской сказке «Тараканище» дал портрет тирана и дух его эпохи до «его» воцарения. По-видимому, это создание природы и обстоятельства, его порождающие, имеют свою внутреннюю логику, которая позволяет эти явления провидеть и описывать.

В сталинской «кухне» люмпен: деревенская неумелая бед-

нота, развращенная и разгоряченная кровью и разбоем войны и революции; матросня и солдатня, обозленные слуги, люмпен-пролетариат – они будут оплевывать оппозиционеров на партийных съездах в угоду более напористому и примитивному. Из них будут формироваться военные отряды и комбеды, которые будут отнимать у крестьян хлеб и раскулачивать. Наиболее активные из них выйдут в партийные руководители. Они вытеснят остатки комиссаров старой гвардии, которая уйдет в тюрьмы и под расстрелы. Но и они претерпят несколько экстракций, пока наверх не всплывут самые придонные слои – доносчиков, предателей, корыстолюбцев и подхалимов. Они прочно займут свои ячейки в сталинской железной сети, которой он опутает всю страну и прочность которой он будет поддерживать «кнутом и пряником», но «кнутом» железным и окровавленным, а «пряником», становившимся все более румяным и пухлым. (Сталин приказал Кагановичу карать тех, кто будет отказываться от партийных привилегий (!) – такие «принципиальные личности» ему в партии, как и в обществе, не были нужны (были потенциально опасны).

Вот как описывает некоторые особенности этого «пряника» Э. Радзинский в своей книге «Сталин»:

«Под Москвой на огромных участках земли возводятся роскошные правительственные дачи со штатом охраны. На них трудятся садовники, повара, горничные, специальные врачи, медсестры – всего до полусотни человек при-

слуги – и все за счет государства. Персональные спецпоезда, персональные самолеты, персональные яхты, множество автомобилей, обслуживающих руководителей и членов их семей. Они практически бесплатно получают все продукты питания и все предметы потребления. Для обеспечения такого уровня жизни в Америке нужно быть мультимиллионером», – печально писал деятель Коминтерна Е. Варга.» [162].

Не обольщайтесь! В этой новой партии, созданной Сталиным под себя, в партии, строящей коммунизм, не было и намек на равенство. Там действовала жесткая «табель о рангах». Кто-то получал шикарный дачный дом на огромном участке, кто-то комнату в госдаче, тоже расположенной в специальном правительственном поселке, в прекрасном месте, недоступном для простых смертных, (огороженном и охраняемом), но все же – только комнату или комнаты. Одни получали коньяк «КВ», другие – трехзвездочный армянский коньяк (тоже неплохо!) И так во всем. Это разделяло партию, порождало зависть и злобу, что тоже было на руку Кукловоду – он «разделял и властвовал»... (Номенклатура получала специальные жирные пайки», а миллионы эков, бывшие члены партии, которых он загнал в мясорубку ГУЛАГа, получали не совместимые с жизнью «пайки».)

В большом и малом – он создавал в своем хозяйстве (его ведь уже в 20-е годы в партии называли «Хозяин») – все под себя...

Он окружил себя неучами, недоучками, подонками. Из докладной записки Г. Маленкова: «Среди секретарей обкомов низшее образование имеют 70%, среди секретарей райкомов – 80%.» [163]. В его Политбюро Г. Маленков был единственный человек с высшим образованием.

Телевидение дало нам в документальном фильме «Я служил в охране Сталина» живой портрет сталинского охранника. Для Сталина, которого постоянно преследовал всепоглощающий, непреходящий, мучительный страх, вопрос охраны был первостепенной, чрезвычайной важности. И вот перед нами предстал его верный страж. Это не просто люмпен, это дебил, почти медицинский. Его лицо уродливо его душевным убожеством. Как это символично. Этот палач и убийца целых народов не мог рассчитывать на верность нормального человека (да таковых и не было в его банде вообще) – только дебил мог быть верным псом. И вот он – истинно Верный Руслан, уродливый, примитивный, отвратительно верный...

А вот портрет другого пса, но совсем другого ранга. Ежов (по кн. Э. Р. «Сталин»), которого Сталин поставил во главе НКВД, который, исполняя волю Сталина, уничтожил в Большом Терроре 1937 – 1938 годов партию, интеллигенцию, почти весь актив страны, – маленький, ничтожный, неграмотный (с незаконченным начальным образованием). Удивительно, а может быть, закономерно, но эти ничтожества, неспособные в учебе, закомплексованные, незаметные

в нормальной жизни, очень часто оказывались весьма активны и изобретательны в злодействах...

Ежов увеличил вчетверо оклады в НКВД, и штат сего ведомства был многократно увеличен. Они расправили плечи, почувствовали свою высокую значимость. Они были самые высокооплачиваемые люди в стране. (Палачи, которым предстояло уничтожить все лучшее в стране, все ее верхние слои, весь актив – фактически уничтожить страну – добить!) И они, закатав рукава, принялись за дело. Они пронизали соглядатаями, шпионами, доносчиками (сексотами) все общество, от Академии Наук до сапожных мастерских и детских ясель: в среднем 1 сексот на 3 – 5 человек – с перекрестной слежкой. И они свое дело сделали: миллионы ушли в мир иной сразу или через ГУЛАГ. А Ежов под конец сам сошел с ума и был уничтожен – не известно, как: просто исчез...

А вот еще весьма яркая и значимая личность – Лаврентий Берия! Он дольше других удержался на этом, самом важном для Сталина и при Сталине посту – до самого последнего дня Хозяина. По слухам, он тоже должен был быть ликвидирован вместе со всем составом Политбюро (Сталин на пенсии не отправлял столь ответственных и «информированных» людей), но, похоже, Берия вовремя сориентировался и опередил Сталина.

(За рубежом давно прошел фильм «Лаврентий Берия» по сценарию Антонова —Овсеенко. Вряд ли нам его когда-нибудь покажут...)

Лаврентий Берия родился в нищенской кухоньке – в Москве он занимал дворец князя Голицына. Из окон дома на противоположной стороне улицы (Качалова) жерла нескольких пушек были круглосуточно направлены на ограду сада, окружавшего дворец. Этот дом окутан легендами Синей Бороды. Он изувечил тела и души сотен женщин, девушек, девочек... Рядом со спальней преступного сластолюбца была ванная. Говорят, рядом с ней – вторая. В ней ванна не с водой, а с кислотой. В ней он уничтожал свою жертву и спускал в специальный люк канализации... (Из ТВ-передачи). Может быть, Берия был просто сексуальный маньяк и уголовник? – Нет, он был масштабной фигурой!

В течение многих лет он руководил сталинской мясорубкой, огромной рабовладельческой империей ГУЛАГ, строившей «коммунизм».

Постановщик фильма «Лаврентий Берия» посетила в Сибири заброшенные бериевские лагеря, построенные по его проекту, строго и продуманно. (Хочется сравнить с книгой «Смерть – мое ремесло», французского автора, фамилию не помню). В этих лагерях она обнаружила очень странные бараки, с очень странными, почти половинными нарами. – Это были бараки для заключенных детей... В этих бараках слышались стоны... Быть может, страшные злодеяния, действительно, заставляют души умерших бродить и плакать над местами преступлений, призывая к отмщению?!

(В выступлениях в зале суда над А. Адамовичем по иску

Шеховцова назывались страшные цифры, миллионы, (точные цифры не известны) убиенных и замученных детей, которых пытали, как взрослых, и расстреливали).

Берия, по приказу Сталина, создавал в начале ВОВ лагеря особо строгого режима для офицеров, бежавших из окружения и из плена. В этой системе лагерей впервые в истории советской тюремной системы была создана каторга. О каторге ходят только темные страшные слухи, так как выживших там не было, а надсмотрщики (вероятнее всего, их тоже уничтожали) не посмели бы и не сумели бы это описать.

Берия «руководил» (надзирал!) лагерями, «шарашками» и закрытыми институтами, где создавалась советская атомная бомба. Именно для этих исследований офицеры-каторжанники кочергами и совками, почти руками добывали урановую руду. Через 2 – 3 недели их отправляли на свалку умирать...

В качестве мелких экзотических «развлечений» Берия мог выкалывать глаза актерам и протыкать барабанные перепонки музыкантам...

Когда после смерти Сталина его соратники срочно (с помощью Жукова) его уничтожили, в его архиве они обнаружили компромат на всех членов ЦК (кроме Сталина). – 11 мешков страшных бумаг, которые они сожгли так же поспешно, как уничтожили самого их автора, – таков был страх перед ним, даже мертвым. (А в архивах Ежова нашли компромат на «самого» Сталина!).

Это отдельные штрихи к портрету одного из ближайших сталинских сподвижников...

«Его» (Сталина) ближайшие соратники, его Политбюро – это были его рабы. Они не могли ничего сделать, не могли протестовать, не могли шевельнуться, даже когда он арестовывал их жен. Ценой любого протеста была жизнь. Они согласились на эту роль. Истинный оскал этого чудовища раскрывался во времени, но с самого начала быть соучастником избиения «оппозиции», потом крестьянства, потом партийных вождей было подлостью и преступлением, но именно в этой мутной, все более кровавой и подлой игре они и окружили его, стали его «соратниками», «подельниками», а рядом с ним необходимо было проявлять активность и энтузиазм. И они проявляли и входили во вкус. Чего в них было больше: ненависти к нему, страха или обожания?! Наверное, это была смесь, удушливая и зловонная...

Идея социализма по сути своей – это идея человеколюбия, гуманизма. Это желание исключить из жизни людей несправедливость и избавить от бедствий тех, кого обошла фортуна.

Сталин был лишен человеколюбия. Идею социализма ему подбросило собственное низкое происхождение и неприятие собственной социальной ущемленности. Дальнейшее определила история. На этой идее он влился в революционную борьбу. Это стало его профессией. Борьба была его стихией: запах крови, вкус победы, хруст костей, схватка честолюбий,

власть...

Вряд ли когда-либо он связывал идею того социализма, который он строил, с истинным благоденствием человека. Этого «коня» ему подбросила история. Он оседлал его, как кавказец, и победно въехал на нем на вершину власти, по пути изрубив шашкой все, что было ему «нелицеприятно». (Он уничтожал под лозунгом: «Незаменимых нет!» – Действительно, в том народе, который он создал незаменимых осталось минимум).

Утвердившись на вершине власти, он создал СВОЮ команду (или, вернее, банду), СВОЙ аппарат, СВОИ рычаги управления и стал создавать СВОЙ народ, удобный и безопасный для него. И начал строить СВОЙ социализм.

Это был СТАЛИНСКИЙ социализм. Вынесем за скобки фундаментальные его особенности: кровавое насилие, нищета, ложь и страх. На этом фундаменте он:

1). Восстановил крепостное право; именно в 1932 году, когда он создал колхозы и недобитые остатки крестьян стали массами бежать в город, он ввел прописку и отобрал у крестьян паспорта. (Прописка оказалась весьма уместной в государстве массовых репрессий и тотальной слежки.)

Крепостное право было злом, многое определившим в российской истории, но крестьянство существовало, кормило Россию и не только ее. Сталинское крепостное право уничтожило коллективизированное крестьянство: оно спилось, выродилось, практически перестало существовать.

Особенно беспощадно было выбито испокон веков вольное, зажиточное российское казачество. (зато он очень любил смотреть и пересматривать фальшивую сказку о красивой колхозной казачьей жизни «Кубанские казаки» ...) Все это гордо называлось коллективизацией сельского хозяйства – иначе, строительством социализма на селе...

2) Он ввел рабство. Он разделил страну на две зоны: Большую (Б.) и Малую (М.), разделенные колючей проволокой. В М. зоне, в хозяйстве ГУЛАГа, бесплатной рабочей силой стали рабы-смертники – все те, кого он уничтожал. Там цвет общества: интеллигенция, военспецы, духовенство, умелые крестьяне – киркой и лопатой в нежилых местах строили социализм, ложась костями в сибирскую мерзлоту. Через ГУЛАГ прошли многие миллионы рабов.

3) Он возродил древний обычай «побивания камнями» в новых формах.

Любой арест или навет, – а этому подвергались прежде всего люди видные, талантливые, заслуженные, уважаемые, – вызывали мгновенный бурный поток постыдных специально организованных собраний, на которых каждый старался (должен был!) сказать в адрес обвиняемого слова погадостнее, бросить во вчерашнего уважаемого человека «камень» потяжелее; ядовитейшую травлю в печати, когда в официальных печатных органах статьи кишели такими злобными ругательными терминами, которые почти не употребляются в жизни и в литературе, и каждый спешил бро-

свить свой камень в побиваемого. (Это позорище стало обычаем советской общественной жизни, в масштабах широких и узких). Молчание, неучастие – высший подвиг чести, на который (с дулом у виска) решались немногие. Зато люмпен, серость, которым ничто не грозило и которые испытывают сущностную неприязнь, ненависть ко всему яркому, сложному, непонятному, входили иногда в злобе и хуле в азарт и раж, чувствуя свою силу, волю и власть.

4) Он расколол российскую соборность. В нормальном обществе в трудные времена люди объединяются: так легче переносить тяготы жизни. (Сталин знал силу разобщения!)

В обществе, где подглядывали, подслушивали, доносили, где тех, кто подвергся репрессиям, чурались, как чумных, не могло быть взаимопомощи, поддержки, общения.

Бдительность, сексотство еще более омерзительны и разрушительны, чем страх. Разобщение как механизм сыграло огромную роль в победе сталинизма. Оно в числе главных, наряду с бескультурьем революции: ее «масс» и ее вождей (без интеллигенции).

5) Религию он заменил идолопоклонством.

6) Он объявил гегемоном общества и истории пролетариат. В действительности, гегемоном была партия, и даже не партия, а ее Хозяин.

7) В обществе равенства в нищете он создал тайное «заборное» неравенство, гораздо более глубокое, чем в капиталистических странах.

Однако общество, страна, держава – военная держава должна была существовать. Державе необходимы были математики, физики, конструкторы, инженеры – необходимо было оружие. (Идея мировой революции никогда не покидала его). Все это в том необходимом минимуме, который он вынужденно мог терпеть, было загнано в лаборатории —тюрьмы, «шарашки», закрытые институты и города и существовало под неусыпным контролем «Органов».

Он искалечил народ. Не только геноцидом, но насилием, привычным всеохватывающим страхом, соглядатайством, разобщением и расплзшимся по этому изувеченному телу, как проказа, алкоголизмом. (Революция, Ленин, сталинщина – сатаниада! Во что был превращен народ? Это не «шариковщина» – это сатаниада! Это не Пол Пот – там небольшая банда уничтожала народ «ломом». Сталин заставил ВЕСЬ народ участвовать в самоуничтожении: одни пытали, охраняли, расстреливали; вторые подглядывали, подслушивали, доносили; третьи визжали на собраниях: «Уничтожать, как бешеных собак!»; четвертые в ужасе молчали; пятые стрелялись; шестые пели песни, весело шагая в коммунизм: седьмые выполняли невыполнимые планы, затыкали дыры и провалы в больной экономике, надрывая силы и сердца; «М. Зона» вымирала; «Б. Зона» надрывно выживала; народ нищенствовал; «верхи» жировали, и так, дружно самоуничтожаясь, шагали, кто куда, и все вместе к миру «на горизонте», хором славя Великого и Мудрого Отца народов.)

Новые поколения Сталин растил под себя в удушающем идолопоклонстве.

Ну, а общество?! Как оно существовало? – Сталин был не только сценаристом, дирижером – он был и дрессировщиком.

Опытный дрессировщик никогда не дает животным расслабиться. Дрессировщик тигров ставит их на шары, и они постоянно заняты необходимостью сохранять равновесие, чтобы, пока он работает с одним из них, другие его не сожрали.

Советский народ был постоянно измотан бедностью, дефицитами, неустроенностью быта, плохим транспортом, очередями, невыполнимыми производственными планами, постоянным напряжением в обществе. Задумываться, протестовать не было ни времени, ни сил. Только бы выжить. И государство сохраняло эти условия «стабильности».

Хочется привести некоторые показательные цифры. Вот вывоз хлеба за рубеж из голодной страны: «... из урожая 1928 года вывезено за границу менее 1 миллиона центнеров зерна, в 1929 – 13, в 1930 – 48,3, в 1931 – 51,8, в 1932 – 18,1 миллиона центнеров. Даже в самом голодном 1933 году в Западную Европу было вывезено около 10 миллионов центнеров зерна.» [164]. – В этих цифрах все: механизмы коллективизации, цена индустриализации и отношение к народу.

Но была еще удивительная российская интеллигенция.

Она понесла страшные потери, бо́льшие, чем крестьянство. Она должна была погибнуть. Но дух, даже придушенный, сильнее плоти. И она выживала. Именно она держала лечебное дело в нищенских наших условиях – сохраняла честь и достоинство, дух российского земства в нищете. Держала наше образование: школьное оставалось, несмотря на все прессы и цензуру, одним из лучших в мире. Высшее было ущербным: с изгнанной кибернетикой, генетикой, извращенной биологией, экономикой, историей, философией, правом, филологией и прочим. Но математика и физика были нужны, и математическая и физическая школы у нас были одними из лучших в мире. И именно там, где пресс был меньше, зарождались очаги свободомыслия. Но сексоты бдили...

И еще была неистребимая наша Культура, которая прорастала сквозь асфальт...

Интеллигенция, по определению, была «прослойкой» («гнилой») между классами. То-есть, официально принципиально не уважаемой частью общества. Она была необходима государству, но очень опасна для такой власти. Поэтому она всегда была ущемлена. Она получала самые низкие зарплаты, она не имела никаких льгот, в условиях дефицитов все получала по минимуму и в последнюю очередь. Льготы и блага получали лишь те представители интеллигенции, которые не просто доказали свою лояльность по отношению к властям, но ярко, громко, во всеуслышание

прославляли советскую власть (прежде всего, конечно, Отца народов, Горного Орла, Великого и Мудрого). Эти получали льготы, пайки, дачи – у них был свой «пухлый пряник», и, конечно, все они были членами партии и входили в номенклатурную сеть.

А истинная интеллигенция мучительно искала и нередко находила способы во тьме и удушьи не погасить, сохранить, пронести через крошечные времена «свечу» «разумного, доброго, вечного».

Неприязнь, ненависть, недоверие к интеллигенции у большевиков идет еще от ленинских времен, но для Сталина она была просто опасна. Но когда он вытравил ее до кадрового голода и «кадры стали решать все», тяжесть репрессий накрыла и без того уже обескровленную деревню и городские низы, ибо империя ГУЛАГ требовала постоянного притока новых рабов. Общество было опутано густой сетью наказаний, в которую почти невозможно было не попасть: за «колоски», за любое опоздание, за невыход на работу, за поломку станка, за мелкую кражу и просто ни за что люди уходили в ГУЛАГ на долгие годы. В деревнях почти каждый второй мужик сидел, а в некоторых деревнях – все прошли через тюрьму. Когда почти не осталось интеллигентов, кроме абсолютно необходимых, в ГУЛАГ потекли бытовики. Но это было недолго: война подбросила новые миллионы «виновных».

Такое насилие над обществом возможно только в услови-

ях всепоглощающего Страх и Лжи. Загнав общество в смертельный страх, он сам стал рабом своего страха. Поэтому все вокруг него должны были дрожать. Ежеминутно, ежесекундно они должны были помнить, что их жизнь, жизнь их детей, их родных и близких в его руках. Он постоянно подтверждал это. И в страхе жили не только беспомощные актеры и ученые, в страхе жили силовики: маршалы, командармы, члены структур НКВД, палачи. Сам Вышинский до самой смерти Хозяина ежеминутно ждал своего ареста.

Сталин любил «попугивать». Чего ждать от народа, у которого все правители запуганы до полусмерти, у которых ни семьи, ни они не гарантированы от ареста и уничтожения. Они были вместе с ним в крови народа и соратников. И в постоянном смертельном страхе перед ним. Какой «букет» правителей! Какой «венки» народа! Венец народа – кровавый, смертельный!

Ни живописи, ни перу, ни даже музыке не под силу передать, что есть СТРАХ. Атмосфера страха, в котором живет не человек, а общество. Стук в дверь, телефонный звонок, стук парадной двери, шаги на лестнице, шорох автомобильных шин, косой взгляд соседа или сослуживца – все пытка. Звонок в дверь ночью – это приговор. Шаги ночью на лестнице могли вызвать инфаркт... Исчезающие люди. Опечатанные двери. Погасшие окна. Люди уничтожают фотографии, письма, книги, документы.

Пытка ложью, злобой собраний, митингами, криками:

«Смерть „предателям“, „двурушникам“, „шпионам“!»! – невозможно кричать, нельзя молчать. Ложь, предательство, разрушение души, нравственности, родственных и дружеских связей – всего, что дорого, свято, чем жили, чем дорожили.

Молчание – тоже ложь, ибо это непротивление Злу, но и оно не спасает.

Сжавшиеся люди. Разнузданные, самоуверенные соглядатаи – бдительные прихвостни и пособники палачей. Извращенная суть вещей – анти-мир.

Остаться человеком: не предавать, не лгать – это высокий героизм, почти не совместимый с жизнью. До поры-до времени – до ареста можно было не предавать, но не лгать было практически невозможно, ибо жизнь состояла из лжи: лозунги, производственные планы, газеты, радио, собрания – все было пронизано Ложью. Попытаться этому противостоять – подписать себе смертный приговор, не выиграв для истины ни грана правды.

Страшное ожидание звонка в дверь... Как —будто ожидание самой Смерти. – Но, нет – не смерти, гораздо хуже...

Когда солдат поднимают из окопов в атаку, они тоже знают, что фактически идут на смерть, но там есть надежда, там нет позора и унижений. Смерть – это мгновение, даже ранение – это тоже муки и надежда.

Здесь ждут не смерти. Здесь ждут посланцев Ада, которые повлекут в Ад. Но и ад не знает такой мрази, которая сразу

превращает человека в ничто, в грязь – на глазах родителей, жен, детей. Мерзко переворачивая вверх дном весь дом, топчет сапогами ценные для человека вещи: рукописи, письма, фотографии. И нет никакой защиты – НИКАКОЙ! Полное бессилие, полная безнадежность, безысходность... Какие-то понятия, дворники, соседи... А дальше – погружение в ад... Смерть – избавление.

От этого люди вешались, стрелялись, сходили с ума.

Так ли уж безропотно ложилась безвинная Россия под сталинский топор?! – Нет, не безропотно. Но он ее переиграл своим хитроумием и жестокостью.

Чтобы сломить крестьянство, мало было раскулачивания, расстрелов, выселений, переселений – пришлось устроить голодомор. (Когда в 1932 году Сталин ехал на отдых через голодающие края Украины, Приазовья и Северного Кавказа, один из его приближенных сказал Сталину, что у страны достаточно валюты, чтобы закупить хлеб и спасти погибающее крестьянство. На что Сталин ответил: «Пускай падыхают. Аны сабатыруют.»). Он не признавал за ними прав на собственную волю, на самозащиту. Право было только у него. Его волю «аны сабатыровали» «Аны» должны были «падыхать».

«Аны падохли». Он победил, но знаменитое трудовое российское крестьянство – кормилец страны и Европы перестало существовать.

С партией у него хлопот было больше. Долгие годы он

проводил «чистки», наступал, отступал, боролся с ней явно и тайно, изматывал, разлагал. Партия «прогибалась», но внутренне сопротивлялась.

После 17-го Съезда партии он понял: ему не сломить сопротивление в этой партии – ее надо уничтожить. И уничтожил! Для этого многократно усилил свою «железную руку» – НКВД. Общество пронизал соглядатаями. И вместе с партией уничтожил весь актив общества.

С армией он не стал «шутить» и медлить. В одночасье он ее обезглавил ПОЛНОСТЬЮ: он расстрелял сорок тысяч офицеров. Высший комсостав уничтожал сразу после арестов – в первые несколько суток. Боясь протестов и волнений в армии, он ее расформировал и разоружил. За это советский народ заплатил цену непомерную в ВОВ.

Он все переделывал через УНИЧТОЖЕНИЕ.

Если бы не было сопротивления, если бы он его не предчувствовал, не страшился, он не залил бы Россию такой великой кровью. Но, если бы он не залил ее кровью, он на своем троне не усидел бы...

Но даже самым страшным насилием и самой большой кровью трудно укрепиться на узурпированном троне прочно, надолго. Нужны дополнительные механизмы «крепления». И он их нашел. Он понял: вколоченное поклонение, идолопоклонство иногда сильнее даже животного страха. Он был хитроумен и прозорлив. Дух идолопоклонства он создавал и укреплял одновременно с укреплением своей вла-

сти. Сразу после смерти Ленина он начал создавать из него икону, предмет поклонения, но при этом он делал себя правопреемником его места и значения в партии, постепенно усиливая этот дух. Уже через полтора года после смерти Ленина 15-й Съезд партии приветствовал его такими овациями и криками, которые при Ленине были невозможны. А с 1929 года – года его пятидесятилетия (5 лет спустя после смерти Ленина) начинается психоз поклонения, который крепчал и нагнетался до последнего его дня. Всякое его появление в залах, всякое его слово, обычно примитивное, сказанное с сильным акцентом, жест сопровождались бурными аплодисментами, овациями, вставанием зала.

Легенды о тиранах творят рабы. Раб не возмущается властью тирана над ним, не тяготится ею, воспринимает ее, как закон, как миропорядок. (Он, в свою очередь, транслирует ее на того, кто ниже него). Жестокость тирана, его мракобесие, извращения, пороки воспринимаются, как норма. Ибо все в его власти, все – его воля. Но улыбка тирана, узурпатора и палача, его милость, проблеск чего-то человеческого вызывают удивление, благодарность, восторг, дают обильную пищу легендам, сладостным сказкам, сплетням и песням.

И способность тирана вникнуть в суть обсуждения, задавать здравые вопросы (которые зачастую доступны большинству здравомыслящих людей, может быть, даже умному подростку) воспринимались и восхвалялись, как Высшая Муд-

рость и государственное мышление.

Нелепо отрицать: Сталин всегда учился и учился хорошо. Но «гением» он был только в злодействах. Во всем остальном он оставался посредственностью, облеченной непомерной властью

(Бывает другое преклонение, другая благодарность человеческая – благодарность Гению. Гений открывает людям высоты и глубины – в духе, в науке, искусстве. Гений окрыляет человека, расширяет его возможности, делает его сильнее, чище, выше. Это восторг человека, который поднимается, расправляет крылья.

Перед тираном человек мельчает, сгибается – тирана славит раб...)

На Торжественном собрании метростроевцев, посвященном открытию Первой очереди Московского метрополитена, зал восторженно ревел, приветствуя Вождя, взрываясь овациями, здравицами в его честь, захлебываясь в избытке чувств от убогой его лапидарности и плоских шуток. Он поздравлял их и награждал. Вскоре он их всех уничтожил, ибо все они были воистину героями, выдержавшими каторжные условия этой стройки и нечеловеческое напряжение ударных сроков – результаты экономической безграмотности бандитского правительства.

В то самое время, когда Бухарин извивался в корчах, в нервно-истерических конвульсиях под нависшей над ним «железной рукой» его мучителя, Сталин принимал востор-

женные овации Чрезвычайного Восьмого Съезда Советов как творец Великой Конституции (написанной Бухариным!)

Вот выдержки из книги Эдварда Радзинского «Сталин» [165].

«Из письма рабочего Сукова: «Трудно описать, что делалось в Кремлевском зале. Все поднялись с мест и долго приветствовали Вождя. Товарищ Сталин, стоя на трибуне, поднял руку, требуя тишины. Он несколько раз пригласил нас садиться. Ничего не помогало. Мы запели «Интернационал», потом снова продолжалась овация. Товарищ Сталин обернулся к Президиуму, наверное, требуя установить порядок, вынул часы и показал их нам, но мы не признавали времени».

Наверное, 20-й век дал огромный материал для изучения психологии толпы, массовых психозов и истерий. Но когда в общий хор вливаются голоса людей, «наделенных умом и талантом», умеющих знать, видеть и слышать, анализировать и чувствовать, хочется понять, что же это за феномен. Тем более, что были люди, которые не поддавались, по крайней мере, внутренне, массовой пропаганде и истерии толпы.

Корней Чуковский, описывая в своем дневнике появление Сталина на Съезде комсомола в 1936 году, пишет о нежных, влюбленных, одухотворенных лицах, о счастье, которым они упивались с Б. Пастернаком (я уже приводила эту цитату).

Чуковский, Пастернак! Они скоро прозреют. Прозреют, когда начнется Большой Террор. Но это 1936 год. Уже про-

шла расправа над кулачеством, коллективизация, голодомор, многочисленные процессы – над технической интеллигенцией, над ближайшими ленинскими сподвижниками. Все это было чистое злодейство, ложь и насилие. Но газеты, радио, митинги кричали о врагах, о победах, правда не просачивалась в средства информации, о ней молчали, ее знали только причастные, которые, как правило, умолкали навсегда, даже если оставались живы. И даже светлые умы поддавались дурману. Они в значительной степени прозреют, когда мясорубка начнет засасывать их ближайшее окружение и их самих.

Можно списывать все на российскую темноту, рабство, соборность, византийство. В Китае, Корее – на восточную психологию. Но тот же психоз мы видим на фашистских шабашах, где женщины, восторженно визжа, протягивают Гитлеру – тоже выродку человеческому – руки и своих младенцев. И это в культурной стране Центральной Европы – стране философии, музыки, поэзии, науки, стране великой культуры, высших взлетов человеческого духа.

(Да, что говорить, в сей момент, когда печатаются эти строки, на дворе у нас год 2014-й. И что творят великие народы, которые гордо считают себя носителями демократии, свободы, гуманизма, культуры?!)

Сталин санкционировал, вдохновлял этот психоз, отслеживал его ход и руководил им, так же, как арестами, пытками, расстрелами. Уничтожать народ (направлять уничтоже-

ние) могло быть позволено только идолу, богу.

Его сподвижники и подхалимы, естественно, уловили его сладострастное отношение к восхвалению, лести, его завышенную самооценку и жажду ее подтверждения. Уловили и стали играть на этом, раздувая сладостный пожар в его душе, приучая партию и общество к восхвалению Вождя. Это началось с первых лет его воцарения и все годы его царствования горело и разгоралось, как солома. Более всех весьма умело раздувал этот пожар он сам.

Чем больше будет литься крови, тем громче будут славословия, гимны, марши, бой барабанов и грохот труб.

Он сам перепишет историю: успехи поверженных врагов он припишет себе, свои ошибки и поражения припишет им. Ворошилов напишет фальшивую историю Гражданской войны: победы Троцкого он припишет Сталину, замазав истинную неблагоприятную его роль.

Все газеты полны были славословий, стихотворений, портретов. И находилось время и место! Но, конечно, больше было портретов рисованных – они ему весьма льстили: его неблагоприятная внешность выглядела на них значительно пристойнее. Его биография (написанная им самим) выходила миллионными тиражами.

Придворные теоретики марксизма-ленинизма объявили его общепризнанным мировым политическим лидером, «крупным теоретиком ленинизма», теоретиком и практиком революции.

Он низверг науки, в которые он мог внедриться: языкознание, историю, экономику — до уровня своего косноязычия, научную мысль подавил цитатами из классиков марксизма и собственных «трудов».

После того, как он бросил обескровленную, обезоруженную, неподготовленную армию под колеса фашистской отлаженной военной машины, он стал Полководцем, Генералиссимусом, Победителем.

Он вколотил в обезмозгленные и молодые головы свой лик как икону. Его портреты были на страницах всех газет ежедневно. Они висели в детских садах, во всех классах школ, в кабинетах, аудиториях, лабораториях, во всех заводских цехах, канцеляриях, кинотеатрах, ЖЭКах — во всех, всех уголках, куда мог проникнуть человек или его взгляд.

(Интересна история одного портрета Сталина с девочкой на руках. Он висел во многих детских учреждениях и школах. Он был известен всей стране. — Черноволосая счастливая девочка в матроске с букетом цветов на руках у вождя. Плакат — фотография. Под ней: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»)

Девочка Геля дочь Наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР. На приеме в Кремле делегация Бурят-Монгольской АССР 27 января 1936 года преподнесла Сталину букет. Вскоре отец Гели был расстрелян, мать (врач) погибла «при невыясненных обстоятельствах» на ночном дежурстве в больнице. Геля в 6 лет осталась сиротой, бедствовала, хра-

нила подарки Сталина (золотые часы, патефон с пластинками), а плакат долгие годы убеждал, кричал о счастливом детстве советских детей. (Не символ ли?!)

Его бюсты, торсы, фигуры в полный рост стояли в красных уголках больших заводов, мелких контор и учреждений, в учебных и воспитательных заведениях всех рангов, в парках, садах, скверах, на площадях, на вокзалах, у заводских ворот, у кинотеатров и клубов, у школ и институтов. Его огромные статуи ставили в горах. На Волго-Донском канале стояла его статуя, которая претендовала, наверное, на Восьмое чудо света, споря с Колоссом Родосским.

(Сейчас существует множество свалок, на которых нашли приют эти знаки былого могущества, но, возможно, где-то идолопоклонники прячут их в укрытиях в надежде на «лучшие» времена.)

В «его» времена и самый серьезный научный труд, и производственный отчет, и доклад школьника должны были начинаться с цитат теоретиков марксизма-ленинизма, прежде всего – Главного теоретика, и кончаться здравицами в его честь.

Чем больше разжигал Сталин борьбу с внутренним врагом, чем больше провалов было в его внутренней и внешней политике, тем сильнее поощрял он аллилуйю в свой адрес и злобный вой в адрес вездесущего врага.

«Гением» он был только в собственных интригах. Он сверг страну в почти не поддающиеся осмыслению бедствия.

Но славу ему поют до сих пор. Мы не можем выбраться из исторической пропасти, в которую низвергла нас неистребимая сталинщина. И чем труднее выбираться из нее, тем громче поем ему хвалу... Воспоем же и здесь хвалу Мудрейшему! Он устроил великий «пир во время чумы». Противопоставить Большому Террору перманентный шумный праздник – это была гениальная находка (возможно, кем-то подсказанная). Но Сталин и сам умел учиться и учился! У Ивана Грозного, у Петра Первого, у Гитлера. Более всего, возможно, у Гитлера.

Гитлера Германия в первые годы его власти, действительно, могла считать спасителем нации: он ликвидировал безработицу, провозгласил социальное равенство, он вернул немцам утраченную веру в себя, а когда он начал подминать под себя Европу (что немцы, к сожалению, приняли с гордостью), в недавно голодавшую Германию потекли европейские богатства: молочные продукты из Дании, сыры и вина из Франции, рыба из Норвегии...

Гитлер был фюрер, активный и доступный. Сталин был идол, скрытый и неприступный.

Посмотрев фильм о Гитлере Лени Рифеншталь «Триумф воли», поняла, что лавры Гитлера не могли давать покоя Сталину. Как он ни нажимал, как ни требовал славословия и идолопоклонства, как ни наполнил, до удушья, своим именем газеты, журналы, искусство, жизнь каждого человека в СССР, от горшка до гробовой доски, все равно российская

толпа, российское славословие и поклонение – это нечто лохматое и разноперое. Немецкое – это плотные ряды, строгие лица, единый, всей нацией выдох: «Хайль!». (В российской толпе одна десятая идейных, половина принудительно загнанных, остальные – любопытные...)

Фашистская Германия была рядом. Она широко коллективно развлекалась (и маршировала!) Германская киноиндустрия за двенадцать гитлеровских лет (1933—1945) создала 1363 фильма, из них 150 пропагандистских. 90% фильмов – это был праздник, развлечение, отвлечение, красавицы – звезды: Лида Ваарова, Цара Леандр, Марика Рёкк.

И в Советском Союзе годы Большого Террора были самыми веселыми.

Стоны, слезы, кровь были укрыты ночью тьмою, спрятаны за колючей проволокой в нежилых просторах огромной суровой страны, за толстыми стенами тюрем, в глубоких подвалах пыточных и расстрельных камер. **ТАЙНА И СТРАХ ПОЗВОЛИЛИ НАРОДУ ПЛЯСАТЬ НА РОДСТВЕННЫХ ГРОБАХ.** Уничтожая «врагов», «он» уничтожал (или запугивал) **ВСЕХ** членов семьи. Народ был разобщен. СМИ лгали... Тот, кто что-то знал, молчал под страхом смерти.

Страна просыпалась каждое утро под радостную песню, которая лилась из черных тарелок радио по всей стране:

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.»
И славила своего Вождя:
«На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О Великом Друге и Вожде.
Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Подобных песен десятки, сотни...

Выходят веселые музыкальные фильмы: «Волга – Волга», «Веселые ребята», «Весна», «Антон Иванович сердится», «Музыкальная история», «Свинарка и пастух». (Такие же будут выходить и во время войны и после: «Беспокойное хозяйство», «Небесный тихоход», «В 6 часов вечера после войны», «Сердца четырех», «Свадьба с приданым». «Кубанские казаки», «Сказание о земле сибирской» и мн. др..)

В 1934 году Мейерхольд ставит «Даму с камелиями» с Зинаидой Райх. Публика ломится. (Позже он расстреляет Мейерхольда, Зинаида Райх будет зверски убита в своей квартире.)

В 1937 году Художественный театр ставит «Анну Каренину» с Аллой Тарасовой в главной роли. Сталину нравится. Все актеры награждены. Сталин щедрою рукой (Сталин лю-

бил театр) дарит театру поездку в Париж с семьями.

В СССР великий балет, опера, оперетта, эстрада.

В 1936 году перелеты советских летчиков через Северный Полюс в Америку: Чкалов с Байдуковым и Беляковым, команда Михаила Громова, Леваневский.

В 1937 – высадка Папанина на Северном Полюсе.

Страна шумно, бурно, радостно, гордо чувствует своих героев. Награждают полярников, летчиков, артистов.

(Сталин хотел сделать национального героя, всенародного любимца Валерия Чкалова шефом НКВД. Чкалов отказался. Через полгода он погиб при загадочных обстоятельствах – стандартная сталинская формула уничтожения...)

Развивается стахановское движение. Чествуют стахановцев. Газеты кричат об их трудовых подвигах.

В 1939 году открывается Всесоюзная сельскохозяйственная Выставка (ВСХВ). В прекрасных павильонах достижения сельского хозяйства (которого не было).

Именно в эти годы устраивались самые яркие и красочные спортивные парады, открывались заводские клубы, дворцы пионеров – с кружками, студиями, вечерами, утренниками, праздниками. Развивалась самодеятельность. Страна маршировала и пела. Записные стихоплеты славили Сталина, счастливую жизнь страны, но песня заражает, а веселье втягивает в водоворот и честных, одурманенных атмосферой всеобщего ликования. Песни мелодичные, их легко петь, с ними легче идти по жизни.

«Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет.»

Репродукторы и кинопередвижки ползли в самые глубинные и труднодоступные места Советского Союза и славили Вождя и Отечество, шагающее в коммунизм.

Праздник должен был быть не менее масштабным, чем Террор. И, поскольку то, что действительно происходило в стране, было покрыто тайной и извращено ложью, большинство, и прежде всего молодежь (а ставка делалась главным образом на нее), считало, что живет в счастливой стране; ну, а трудности, бедность – этим поколениям, выросшим и сформировавшимся после революции, было не привыкать: они другого и не знали. А о старой жизни вспоминать воспрещалось, да и было уже почти что некому...

И манкурты, родства не помнящие, потерявшие родных и близких, сгинувших в провалах и глубинах чудовищной структуры, называемой «органами», маршировали на праздниках с портретами палачей, пели им аллилуйю, славили свою великую Родину и счастливую жизнь. Манкуртизм – отсутствие памяти и верности чему-либо, кроме «хозяина». «Хозяин» был: Вождь, Отец, Учитель, Друг и его атрибутика – партия, коммунизм, социалистическая родина. Знать и делать можно было только то, что соответствовало верно-

сти «ему». Поэтому мы не должны были знать историю своей Родины, ибо эти знания помешали бы нам любить «его». Мы не должны были знать своих корней, ибо «бдительность» и «классовое чувство» превыше всякой родственности. И мы ни в коем случае не должны были знать об истинных его делах, ибо его нельзя было бы любить...

Вождь изрек: «Жизнь стала краше, жизнь стала веселей».

Под прикрытием цветистого покрывала праздника и веселья текла будничная жизнь сталинской державы, строящей социализм.

Сталинский социализм был казарменно-лагерным рабовладельческим строем. Такой строй после революции мог восторгаться только под дулом пистолета.

Люди были: отчуждены от результатов своего труда, не имели собственности; были лишены личностного достоинства, привыкли к нищете и аскетизму как норме бытия; привыкли к подчинению, легковерию и безответственности.

В сущности, Сталин создал нео-рабовладельческий строй.

Вся страна жила, отгороженная от внешнего мира железным занавесом; внутри нее была отдельная страна – зэков и ссыльных, окруженная заборами и колючей проволокой. Эта страна за колючей проволокой, которую позже Александр Исаевич Солженицын назвал «Архипелаг ГУЛАГ», была островами, большими и малыми и целыми краями разбросана по бескрайним просторам русского Севера, Сибири,

безводных пустынь Казахстана. В ней вымирали политические, строя сталинский социализм, и матерели и плодились уголовники, «поедая» политических.

Политические при Сталине не должны были возвращаться в места своего прежнего проживания. Если они доживали до конца срока, им его автоматически продлевали или отправляли их на поселение. Они пополняли ряды ссыльных: десятков и сотен тысяч раскулаченных крестьян; целых народов и народностей, согнанных с их исконных земель в места гиблые, не пригодные для жизни. Все строили социализм. Строили без необходимой техники, почти голыми руками, зэки – за пайку, ссыльные и переселенцы – за нищенскую плату, которой нехватало просто на выживание. Для зэков «шаг влево, шаг вправо» означал смерть, для переселенцев незарегистрированная отлучка в соседний поселок к родственникам или друзьям приравнялась к побегу и оборачивалась каторжными работами. [166].

Выселенные (сроком на 20 лет) во время войны НАРОДЫ остаются в этом статусе НАВЕЧНО. Так объявлялось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года [167].

Руками этих рабов построены каналы, нужные и ненужные: Беломорско-Балтийский, Москва – Волга, Волго-Донской, Главный Туркменский, Самотечный канал Волга – Урал и др. На их костях на вечной мерзлоте стоят города Норильск, Магадан, Джезказган, Салехард, Находка, Братск,

Воркута и десятки других, многие из которых так и не появились на картах, оставаясь засекреченными городами-призраками...» [168]. (Официальные заключенные официальных концлагерей составляли около 40% всего работоспособного населения).

Между колючей проволокой ГУЛАГа и «железным занавесом» жили рабы второй категории – «свободные» рабы. Они тоже строили коммунизм. Иногда на этих стройках работали рядом с зэками. Тогда их называли «вольняшками». Они а priori не были обречены на вымирание: эти должны были выживать. По ту сторону колючей проволоки вымирали, по эту – выживали. «Свободным» тоже платили нищенскую зарплату, но обеспечивали бесплатным лечением, бесплатным обучением, организовывали для детей детские сады и пионерские лагеря. Они пели веселые песни, им показывали фильмы про героев – строителей коммунизма и про их красивую жизнь. А еще им досталась, хоть и ободранная, усеченная, порушенная идеологической цензурой и страшными потерями в революциях и войнах, внутренних и внешних, великая русская культура, которая, более, чем скудный хлеб, питала таланты и давала «кислород» «свече неугасимой».

Эти «свободные» могли в любой момент стать зэками, потому что лагерные стройки (коммунизма или социализма) разрастались, а строители, как им и полагалось, вымирали, и требовалась все новая и новая бесплатная рабочая сила.

Теперь НКВД получал разнарядки на количество арестованных (отделы НКВД даже соревновались между собой, кто больше арестует [Александр Яковлев, ТВ-передача], и чтобы из «вольняшек» загреметь в ээки, не нужно было даже «торчать», быть заметным, быть потенциально опасным.

Развивалась лагерная индустрия (тем более, что в нее уходили лучшие специалисты, активисты и умники), жировал НКВД, крепчала власть и авторитет Отца народов.

У «вольных» было немного больше хлеба и радостей, не было постоянной угрозы смерти (неминуемой), но воли было ненамного больше, чем у ээков.

Вся деревня была беспаспортной, а значит, – невыездной. Передвигаться по территории СССР было практически невозможно и опасно. В городе сменить работу было очень трудно. В деревне карали за невыход на колхозное поле, в городе – за малейшее опоздание на работу – за это можно было получить не просто взыскание, но и что покруче: на кару «железная рука» была легка.

Все перемещения из одного города или поселка в другой происходили с ведома и по указанию, по путевке, разнарядке, распределению руководящих (партийных) органов. Можно было выехать на учебу в более крупный город, но это не значит, что в нем можно было остаться жить.

В жизни граждан Великой Державы СССР была одна удивительная особенность, вряд ли знакомая какой-либо другой стране. Они все имели ПРОПИСКУ. Прописка – это значит,

что в вашем паспорте записано, что вы живете в таком-то населенном пункте, на такой-то улице, в таком-то доме, или квартире, или комнате, т.е. вы ПРИПИСАНЫ к какому-то участку пола на этой земле. Этот участок пола определяет, где вы можете работать, у какого врача лечиться, в какой школе могут учиться ваши дети и т.д..

Прописка – это метод контроля, контроля передвижения (прописка постоянная, временная, суточная). С учетом соглядатайства и сексотства на производствах и в квартирах, эти условия приближали положение «свободных» граждан этой страны к положению ссыльных. К началу Большого Тераора весь народ, каждый человек сидел на цепи и был под наблюдением. Бежать было невозможно. О прописке стоит штамп в паспорте, а без паспорта любой человек в СССР a priori преступник и подлежит задержанию. Если у вас нет прописки, вы – никто. Вы не имеете права ни работать, ни лечиться, ни учиться. А «кто не работает, тот не ест» – фундаментальный принцип социализма. Не работающих высылали, как тунеядцев, в те же самые «благословенные» края. В России появилась широко распространенная аббревиатура БОМЖ: без определенного места жительства. Это человек, который нигде не живет, нигде не работает, ничего не имеет, нигде не моется, ничего не ест... Их много мается по России – матушке...

Коллективизированные крестьяне были закрепощены за своим сельсоветом, пожалуй, более жестко, чем когда-то

за помещиком. Они не только не имели права выезда на жительство в город – их не выпускали в город на базар, в магазин. Это положение смягчалось крайней нищетой этого крестьянства, полным отсутствием у них денег.

Так вот: если вы окончили высшее учебное заведение, вас не отпускают в «свободный полет» – на рабочее место вас распределяет специальная государственная (партийная) комиссия. (В этом было, правда, не только отрицательное, но и положительное – всякая медаль о двух сторонах), но очень часто новоиспеченных специалистов направляли в дальние края – туда, куда по своей воле человек не поедет. Россия – страна огромная, климат ее суровый, мест, требующих героизма для проживания, много, а лагерные стройки коммунизма в гиблых местах – огромная империя ГУЛАГ – особенно нуждалась в специалистах. В одной студенческой песенке были такие слова: «Путь до Магадана недалекий: за полгода поезд доведет...»

(Право свободного выезда в другую страну было ликвидировано. Его не было ни в Сталинской, ни в Брежневской конституциях. Не только выезда на постоянное место жительства, но даже выезда в командировки, на симпозиумы, на встречи с родственниками. «Выездными» были только те, кому не грозил «страх сравнения», кто никогда за рубежом не имел бы тех благ, того «пряника», которые он имел тут, в своей партии. Всех остальных, кто побывал за рубежом: коминтерновцев, ученых, военнопленных – Сталин рано или

поздно уничтожал. Боялся он «декабристов»...

Необходимо подчеркнуть, что государство несвободных людей процветало под солнцем Сталинской Конституции – одной из самых демократических по тем временам в мире.

Что такое раб?

Раб – это человек: а) не имеющий прав; б) формально имеющий права, но они не защищены исполнением законов, даже если они торжественно записаны в Конституции государства или в Своде законов.

По пункту «а» в Советском Союзе рабами были зэки и, в значительной степени, колхозники; по пункту «б» – все граждане СССР скопом: при весьма демократической Сталинской Конституции СССР можно было уничтожать миллионы НЕВИННЫХ людей, что Сталин «железной рукой» своих «Органов» безнаказанно с садистским наслаждением делал в течение 30 лет. Человек, имеющий права, живет, подчиняясь закону. Человек, не имеющий прав, человек – раб, живет, подчиняясь воле сильного или облеченного властью.

Так жили все, в «Б» и «М» зонах. В «Б» зоне можно было как-то существовать в своем профессиональном кругу (но не «торчать»!), в своей семье, пока тебя, по какой-то причине, не накрыл властный колпак. Как только человек оказывался под колпаком, он очень быстро осознавал, что он АБСОЛЮТНО бесправен, что он – раб.

Но сколько людей в России (в СССР), в нечеловеческих

условиях рабства оставались свободными духом!

Легко быть свободным в стране, где свобода, охраняемая законом, стала истинным достоянием гражданина. Но быть свободным в тюрьме – это особый героизм духа. Вряд ли это возможно без веры в высшее начало, в Бога, в высшую справедливость. Это глубокое постижение истинного назначения человека, сохранение дарованной ему Божественной искры. Люди, постигшие это, выживали в условиях, в которых очень быстро погибали люди гораздо более крепкие физически, но не духовно.

Человек, как таковой, привлекал пристальное внимание, но только в одном аспекте: опасен он для режима или нет. Во всех остальных аспектах этот человек для государственной машины не существовал. Все, что делалось государством, делалось для его выживания, но не для его удобства, блага, процветания.

Все, что в стране происходило и творилось – творилось во славу великой эпохи и ее Создателя и Вдохновителя, Великого Учителя, Отца народов. Происходила коллективизация, индустриализация, электрификация, уничтожение врагов и покорение природы. Строились только гиганты: магнитки, днепрогэсы, каналы, гигантские ГЭС – самые крупные в Европе и в мире, на дне новых морей хоронили сотни деревень, десятки городов, памятники старины, произведения искусства, свою историю и природу. В результате производили электроэнергию больше, чем в США, но на душу

населении в 8 раз меньше.

Покоряли природу, насаждали лесозащитные полосы, строили гигантские тракторные заводы и трактора, а хлеб не родил, поля погибали, пустыли десятки тысяч деревень, деревня вымирала от голода. Ежегодно снижались цены (на несколько %), а народ голодал. Строили высотные дома-дворцы (во славу сталинской эпохи!), а миллионы людей ютились в каморках, бараках, коммуналках-клоповниках, по 3 квадратных метра на человека, а иногда и по 1 метру... (Жилищный кризис, созданный сталинской эпохой, мы не можем расхлебать до сих пор!).

Здоровое общество вряд ли сможет представить, что в обществе, больном «развитым социализмом», человек на любой инстанции, независимо от вопроса, по которому он по инстанциям идет, всегда встречает СОПРОТИВЛЕНИЕ. В лучшем случае тупое, как правило, – злобное. Можно было бы искать какие-либо причины к тому, если человек просит улучшить его жилищные условия или повысить пенсию. Но эффект тот же, когда он приходит с предложением организовать детский музыкальный кружок, спортивную площадку или уголок отдыха при ЖЭКе. Причем ни от кого ничто не требуется, кроме разрешительной бумажки или подписи на ней. (Причем, это деяния бескорыстные). И начинается рык и лай тупых полуграмотных баб (на нижних ступенях этих «инстанционных» организаций сидят обычно «дамы» – особы мужеского пола на этих ролях обычно еще про-

тивнее: это либо блатные недоумки, либо солдафоны на пенсии: на эти должности брали только тех, кто умеет «держаться и не пущать»...

Иногда вначале человеку отказывают вежливо (отказывают всегда). Но стоит ему проявить упорство, начинается неизменный лай и рык. Причем, в данном случае речь идет о делах законных и вполне решаемых. И начинается хождение человека по инстанционным мукам, бесконечное, изматывающее и, как правило, бесплодное. Это картина общая.

А изобретения! Это особстатья! Завалы советских изобретений, пробившихся сквозь все рогатки и попавшие в макулатурные свалки спецучреждений, невообразимы, но это ничтожная доля от того, что не прошло или не пошло по инстанциям, или было задушено изобретателями в собственных мыслях («от греха подальше»). (Конечно, была область, в которой изобретения поощрялись – там, где они работали на вооружение, на войну: в специальных конструкторских бюро, военных производствах, физике, математике, в том, что работало на космос. Но и там, сколько было запретов по идеологическим и политическим мотивам, сколько и в этих областях искореженных судеб великих российских умников?!)

Это человека давит, отупляет, поработщает, иссушает в нем мысль и убивает надежду.

От тупости чиновников, от хамства, висящего в воздухе: в конторах, магазинах, на улице, на производстве – в наи-

большей степени страдает интеллигенция, та самая «большая» удивительная российская интеллигенция, которая всегда «страдала за народ» и после революции получила от этого народа сполна...

Уничтожение лучших во время революции и прицельно в сталинском терроре приучило «низы» не уважать, не доверять, презирать и попираť все, что интеллигентно, нравственно, духовно – все, что благородно и стоит выше. Раньше у простого народа было априорное уважение к грамотности, интеллигентности, благородству. Советская власть воспитала ко всему этому – сознательную ненависть, называемую «классовым чутьем».

Прогресс в таком обществе весьма затруднен. Оно развивается по планам «генеральной линии партии», отсекая инициативу и творческую мысль народа. Общество начинает разрушаться и гнить. В нем вымирает, разрушается живое и неживое. Разрушаются биологические структуры в человеке, не говоря о социально-психологических. Разрушается природа, в ней разрушаются и флора, и фауна. В этом процессе прежде всего разрушается и гибнет высокоорганизованное, хрупкое, чувствительное – самое ценное (и в природе, и в обществе). (Наверное, и красную рыбу в реках, и сочные травы в лугах, и кедры в тайге заменили какие-нибудь лещи, щуки, чертополох, осина или просто пустоты...)

Почему так происходит? В чем причина?

Большевики презрели законы природы и человеческого

общества. Они сломали веками создававшиеся общественные структуры, поставили общество с ног на голову, законы из объективной категории перевели в субъективную. Это политика невежд и авантюристов. И она ни при каких обстоятельствах не имела бы успеха, если бы не подыгравшая им российская триада: вековое российское рабство; неграмотность основной части населения и самое главное – великая кровь: насилие тупое, беспощадное и прицельное.

Большевики легко захватили власть в России. Они сумели ее удержать: их было мало, но у них был Вождь, лозунги и немеряная энергия насилия. У них было очень много противников, но у противников не было единого вождя, они были разобщены и тянули в разные стороны. Большевики свалили Россию и поставили ее вверх «дном».

Ленин умер в начале пути. Власть захватил Сталин. Он укрепил эту базовую триаду российского большевизма: укрепил рабство; укрепил в обществе верховенство люмпена, «дна»; он скрепил фундамент своей власти немеряной кровью и укрепил «триаду» невиданным идолопоклонством.

«Голову» России большевики снесли. «Дно» вытеснило из партийных рядов, истребило идеалистов, романтиков, энтузиастов, заблудших. Наверх пошли самые напористые, аморальные, подлые, корыстные. Они стали править Россией, возглавляемые своим вождем.

И все же народ должен был выживать. Природа и история приучили народ России к героизму. почти как к норме.

А большевизм сделал героической интеллигенцию. И, поскольку дух крепче тела, именно интеллигенция, при всех страшных гонениях на нее, создала при социализме те ценности, которые мы утратили, по которым скорбим – дух и традиции в науке, искусстве, в образовании, в медицине.

Я неоднократно возвращаюсь к вопросу об интеллигенции. Российская, советская интеллигенция – это особое российское явление в мире. Это не образованное сословие Запада, которое уважаемо, оно хорошо зарабатывает и хорошо живет. Российская интеллигенция – она не работает, не зарабатывает – она СЛУЖИТ: делу, идее, народу, Отечеству независимо от условий жизни, заработков и правителей.

Российская интеллигенция была воспитана Великой русской культурой Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Глинки, Чайковского, великой русской живописью и театром. Советской культуре достался тонкий слой отдельных оставшихся ее островков после большевистского революционного ее разгрома.

Трудно даже представить, какой расцвет ждал бы Россию, если бы Ленин не изгнал «сливки» – истинный великий цвет российской интеллигенции конца 19-го – начала 20-го века – эпохи ее бурного, «пассионарного» ее развития, а Сталин не уничтожал бы советскую интеллигенцию, разбуженную революцией, вышедшую из всех слоев общества, возбужденную новыми возможностями, которые дарил новое время. Талантов, ярких, глубоких, разнообразных, были сот-

ни, тысячи. Взбудораженная, взрытая российская земля выплеснула их из своих недр...

Крестьянство, оторванное от земли-матушки, погибало, спивалось.

«Гегемон» структурировало производство: крупные военные предприятия платили лучше и требовали дисциплины. На мелких была тупость и пьянство.

А в целом, масса образованцев, полуживое крестьянство, гегемон, чиновничество, воспитанные на поверхностно-крикливых лозунговых «истинах» в последней инстанции, привычно воспринимали очередное неоспоримое достижение передового учения, «вдохновенно» откликались на любой злободневный призыв. Нужно было верить и шагать «в ногу». Верили и шагали.

Под лозунги, сказки и марши в усредненном обществе сформировалось удивительное единомыслие, уникальное явление, которое громко и гордо было объявлено **МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ЕДИНСТВОМ СОВЕТСКОГО НАРОДА**. (так была названа абсолютная недопустимость иного мнения – в действительности: никакого собственного мнения, кроме официального).

При Сталине было не только морально-политическое единство народа, но была еще и **ДИСЦИПЛИНА**. На работу не опаздывали: за 15-минутное опоздание можно было угодить и в лагеря. Вся страна была опутана сетью законов, постановлений, установок, ущемляющих, запугивающих че-

ловека – любого, большого и самого малого, незаметного, скромного и запуганного.

С 7-го августа 1932 года за хищение колхозного добра – расстрел или 10 лет тюрьмы. (Речь могла идти не о мешках, а о горстках зерна, о десятке картофелин для голодных детей, о «колосках», оставленных в поле).

С 1938 года вычеты из получки за опоздание; 3 опоздания в месяц – под суд.

С июня 1940 года под страхом тюрьмы никто не имел права менять место работы, отказываться от сверхурочного (бесплатного) труда.

В. Селюнин пишет: «После войны я работал на меланжевом комбинате в Барнауле. Большая часть моих товарищей по общежитию побывала в тюрьме... Мой соученик по вечерней школе, работник горвоенкомата, как-то под большим секретом сообщил: около половины призывников имеют судимость. А призывники – еще мальчишки...» [170].

(Чего же нам ждать от нашей армии, от нашего мужского населения вообще: мы знаем КАК и КОГО воспитывает наша тюрьма).

Большая Зона пела: «Широка страна моя родная...»; в Малой Зоне пели: «Я помню тот Ванинский порт...»

И на работе, и дома разговаривали чрезвычайно мало – только по делу: всюду были «уши». Можно было только славить. Это делалось громко, постоянно, везде.

Деревня вымирала тихо: она уже не протестовала – она

знала, чего стоит протест. Те, кто протестовал, ушли в мир иной; оставшиеся с материнским молоком впитали и передавали новым поколениям науку покорности.

Город жил в «клоповниках», в бедности, в нищете.

И колхозы, и промышленность рапортовали об успехах, социалистическом соревновании и о «дальнейшем улучшении...». Гремели об успехах черные тарелки радио. В кинотеатрах шли веселые бодрые фильмы. Пионеры и комсомольцы проводили собрания, верили в коммунизм, пели пионерские и комсомольские песни, маршировали на праздниках с «его» портретами, знаменами, плакатами. А на праздниках все пело и маршировало. (О Малой Зоне никто ничего не знал ...)

(В М. Зоне не пели и не маршировали. Но спектакли там тоже шли: Лагерное начальство тоже хотело жить. И играли там тоже великие русские актеры и неистребимые российские таланты – зэки. Играли после лагерных работ. Получали лишнюю лагерную пайку. Все равно вымирали. Но в чудовищном кошмаре их жизни имели маленькую отдушину, лучики света. Ловили их жадно, пили искусство, как воду в пустыне...)

Еще говорят (с легкой руки Черчилля), что при Сталине Россия стала великой индустриальной державой, а раньше пахала на козе.

Давайте вспомним, что «на козе» она кормила и себя, и пол-Европы, а на тракторах никогда не ела досыта. Темпы

промышленного развития России до Первой Мировой войны приближались к темпам развития США. 60% дорог России было построено до революции. (А она после отмены крепостного права до Первой Мировой войны прожила чуть более 50 очень беспокойных лет.) А при социализме почти все железные дороги строили зэки. (БАМ строили не зэки. Было много лозунгов, шума, как всегда много героизма и энтузиазма, но построить так и не смогли...)

За тот период, в который СССР стал великой державой, все передовые капиталистические страны (и не очень передовые — тоже) стали великими индустриальными и военными державами, странами передовых технологий и высокого уровня благосостояния народа. А российский народ жил в беспросветной бедности и с годами только нищал.

Эта беспросветная нищета, несостоятельность экономики «развитого» (и развивающегося) социализма, постоянные дефициты уродовали общество, семьи, мужчин, женщин и детей.

Мужчина перестал быть кормильцем семьи (речь не идет о номенклатуре). Никакая одна зарплата не могла обеспечить проживание, выживание даже самой малой семьи. Все трудоспособные члены семьи должны были работать, если они не учились в дневных учебных заведениях. Тунеядцев высылали. Мужчина терял свое семейное достоинство, начал пить или с головой уходил в производственные проблемы. Все тяготы быта ложились на женщину, тоже работаю-

щую по полной программе. После полного рабочего дня женщина должна была обежать несколько магазинов и в длинных часовых, иногда многочасовых очередях добыть продукты, чтобы покормить семью. Потом тащиться домой пешком или в битком набитом транспорте и стоять в нем, в толпе, выжатой, потной, с неподъемными сумками – драгоценной добычей.

Советские дефициты создали удивительное изобретение с исчерпывающим смысловым названием: «авоська» – авоська! Это очень прочная плетеная сумка—сетка, которую можно спрятать в кулаке, но вмещающая иногда – пуды! С этими авоськами бегали и ехали домой добытчицы-женщины. Из сеток виднелись картошка, капуста, торчали морковные и рыбы хвосты.

Женщины в России умеют красиво одеваться, даже в бедности. Но красивый наряд унижает навьюченную женщину, и она отказывается от красивых нарядов. Дома она после всех дневных трудов станет к керосинке, к плите, к корыту в коммунальной кухне: в сталинской России не было отдельных кухонь, ванн, холодильников, стиральных машин, собственных автомобилей и т.п..

А дети? – Разве тут до воспитания? Накормить бы...

Благо, наши самоотверженные учителя организовывали в школах, во дворцах пионеров кружки: литературные, математические, технического моделирования; вышивания, песен и танцев; организовывали вечера самодеятельности

и тем смягчали наше великое истинное и «соломенное» сиротство...

Разруха в стране, порожденная сталинской коллективизацией и репрессиями, на долгие годы закрепила в стране крайнюю нищету – нищету материальную и убогость идейную. Но именно в этой атмосфере и на этой почве мог проявиться тот поразительный энтузиазм в строительстве коммунизма – специфический российский феномен, который действительно имел место.

На выбитом и опустошенном интеллектуальном поле легко было насаждать, вколачивая, убогие и лживые идеи, обильно удобряя это поле идолопоклонством и страхом. А абсолютная неспособность этой разрушенной экономики предложить человеку соблазны была естественной твердой почвой для неизбежного аскетизма. Это смешение псевдоестественного и искусственного и создавало этот (псевдо) естественный феномен российского энтузиазма и патриотизма сталинских времен, состоящих из искусственных фальшивых деталей недомыслия и нищеты, но не осознанных в условиях умственной и материальной убогости и страха. Это была та единственная обстановка, в которой сталинский тюремно-казарменный социализм мог строиться и существовать.

В сущности, у лагеря и «воли» было много общего; в лагере страх ареста и насилия был уже осуществлен, баланда жиже, смерть – ближе. Разница была особенно мала для тех, кто

попал туда из разгромленной деревни или из городских барачков, куда хлынули деревенские беженцы, где ютилось огромное море уголовников, полууголовников, сирот и других человеческих осколков революционного разгрома.

Трагедия была для интеллигентов, для которых воля – необходимый элемент жизни, и материальный уровень жизни которой хоть и был нищенским на «воле», но, несомненно, выше лагерного. А они составляли весьма существенную, а временами, несомненно, основную часть лагерного контингента. Осознавал ли Сталин, что именно эта, интеллектуально обнищавшая и материально убого одноклассная, экономически несостоятельная – единственно та страна, которая может быть ему подвластна, только такой нищенской страной он способен управлять. Ибо самое незначительное повышение экономического уровня, обеспечившее самое скромное предложение, породило бы спрос и желания, снизило бы бесплодный энтузиазм, и сдвиги в общественном сознании пришлось бы ликвидировать таким напряжением страха и репрессий, которые сделали бы даже эту многотерпеливую страну нежизнеспособной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.